

ПЕТЕР ВЕССЕЛЬ ЦАПФЕ

ПОСЛЕДНИЙ МЕССИЯ

Я ВЫБИРАЮ ИСТИНУ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 1:1(481)
ББК 87.3Норв
Ц17

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с норвежского — Владислав Педдер.

Цапффе, П.

Ц17 Последний Мессия. Я выбираю истину. — М.: Тотенбург, 2025. — 156 с.

Перед вами первое русское издание двух ключевых текстов норвежского философа Петера Весселя Цапффе — эссе «Последний Мессия» и впервые публикуемый философский диалог «Я выбираю истину», написанный в соавторстве с Германом Тённесеном. Оба текста исследуют противоречие человеческого существования, раскрывая разрыв между биологической природой и способностью к рефлексии. Цапффе не предлагает решений, а скорее открывает глаза на глубинные проблемы человеческого бытия и самопознания.

УДК 1:1(481)
ББК 87.3Норв

© Владислав Педдер,
перевод с норвежского, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.....	4
ПОСЛЕДНИЙ МЕССИЯ	8
Я ВЫБИРАЮ ИСТИНУ	32
<i>Арне Нэсс</i>	
О РАДОСТИ, СВИНЬЯХ, ОРЛАХ И ЛЮДЯХ	114
<i>Герман Тённесен</i>	
ДОЛОЙ ПРИРОДУ!	124
<i>Петер Вессель Цапффе</i>	
ЭПИЛОГ?	149

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Перед вами уникальное издание, впервые представляющее русскоязычному читателю два ключевых произведения норвежской философской мысли XX века. Оба текста — «Последний Мессия» Петера Весселя Цапффе (1933) и диалог «Я выбираю истину» (1983), созданный Цапффе в соавторстве с Арне Нэссом и Германом Тённесеном, — публикуются на русском языке впервые. Эта книга не только открывает новые горизонты для понимания экзистенциальной традиции Северной Европы, но и становится важным шагом в диалоге культур, преодолевающим языковые и временные барьеры.

«*Последний Мессия*» — одно из самых загадочных и провокационных эссе Цапффе. Соединяя поэтику мифа с беспощадным анализом человеческого существования, он раскрывает трагедию разума, обреченного на конфликт с собственной биологической природой. Написанный в 1933 году, этот текст долго оставался в тени европейской философии, однако сегодня его влияние отчетливо ощущается в работах современных пессимистов, нигилистов и антинаталистов.

Цапффе, с его радикальным нигилизмом и идеей «биологического парадокса» человека, предвосхитил ключевые темы философских дискуссий XXI века — от вопроса о бессмысленности бытия до этических оснований антинатализма. «Последний Мессия» оказал решающее влияние на Томаса Лиготти и стал идейным источником его книги «Заговор против рода человеческого», которая, в свою очередь, вдохновила ряд культурных произведений — от текстов Юджина Такера до мрачной философии первого сезона «Настоящего детектива».

Я выбираю истину — диалог между Петером Весселем Цапффе и Германом Тённесеном (1983) — плод многолетнего интеллектуального сотрудничества Цапффе с двумя выдающимися современниками: философом-экологом Арне Нэссом, основателем «глубинной экологии», и Германом Тённесеном, мыслителем, чьи работы охватывали логику, этику и критику культуры. В России Тённесен чаще известен по своему эссе 1966 года «Счастье для свиней: философия против психотерапии». «Я выбираю истину», десятилетиями остававшийся малодоступным даже на родине авторов, был с большим трудом получен из архивов Норвежской национальной библиотеки и тщательно переведен с норвежского. Его публикация — событие не только литературное, но и историческое.

В переводе использовались оригинальные тексты Петера Весселя Цапффе на норвежском языке, что отличает этот перевод от других. Ранние переводы «Последнего Мессии» преподносились и обрамлялись художественно как пессимистические, а оригиналы на норвежском было просто не досчитать, поэтому зачастую переводчики довольствовались лишь английским переводом, что не позволяло взглянуть на текст под другим углом. Настоящий же перевод стремится сохранить дух оригинала, не изменяя некоторых фрагментов, понятных лишь норвежцам, — с пояснениями в сносках, которые в ранних версиях часто опускались или искажались в угоду художественному стилю переводчика или из-за отсутствия понимания контекста.

Петер Вессель Цапффе (1899–1990) — фигура культовая для норвежской интеллектуальной традиции. Философ, юрист, альпинист и писатель, он сочетал нигилизм (а кто-то увидит в этом пессимизм) с иронией и глубоким гуманизмом. Его идеи о «защитных механизмах сознания» и «космической панике» повлияли на поколения мыслителей, от экзистенциалистов и пессимистов до современных экофилософов. Арне Нэсс (1912–2009) и Герман Тённесен (1918–2008), каждый в своей области, развивали критическую рефлексию о месте человека в мире, продолжая и переосмысляя наследие Цапффе.

Эти тексты, разделенные полувеком, образуют диалог не только между авторами, но и с самим читателем. Они бросают вызов привычным представлениям о смысле, истине и ценности жизни, предлагая вместо утешительных иллюзий — бескомпромиссную честность. Переводы выполнены с максимальным вниманием к стилистике оригиналов, сохраняя афористичную силу прозы Цапффе и интеллектуальную напряженность дискуссии.

Надеемся, что эта книга станет для вас не просто знакомством с малоизвестной страницей северно-европейской философии, но и поводом для размышлений о вечных вопросах, которые, как и столетие назад, не теряют своей остроты.

ПОСЛЕДНИЙ МЕССИЯ

I

Ночью в давно минувшие времена человек проснулся и увидел себя. Он увидел, что он обнажен под космосом, бездомный в своем собственном теле. Все растворилось перед его испытующей мыслью, чудо чудес, ужас ужаса развернулись в его сознании. Затем женщина тоже проснулась и сказала, что пришло время идти и убивать. И он взял свой лук и стрелы, плод брака духа и рук, и вышел наружу, под звезды. Но когда звери добрались до своих водопоев, где он по привычке их ожидал, он почувствовал, что в его крови больше нет привязанности к тигру, а только великий псалом о братстве в страдании всего живого. В тот день он не вернулся с добычей, и когда они нашли его в следующее новолуние, он сидел мертвый у источника.

II

Что произошло? Брешь в самом единстве жизни, биологический парадокс, мерзость, абсурд, преувеличение катастрофы природы. Жизнь превзошла свою цель, разорвав себя на части. Вид был слишком хорошо вооружен — духом, ставшим снаружи всемогущим, но в равной степени представляющим угрозу его собственному благополучию. Его оружие было подобно мечу без рукояти, обоюдоострому лезвию, рассекающему все; но тот, кто должен владеть им, должен взяться за клинок и повернуть одно острие к себе. Несмотря на свои новые глаза, человек все еще был укоренен в материи, его душа вращалась в ней и подчинялась ее слепым законам. И все же он мог видеть материю как нечто постороннее, сравнивать себя со всеми явлениями, видеть насквозь и локализовать свои жизненные процессы. Он приходит к природе как незванный гость, тщетно простирая руки, чтобы умолять о примирении со своим создателем: Природа больше не отвечает, она сотворила чудо с человеком, но позже не узнала его. Он потерял свое право на жизнь во вселенной, вкусил от Древа Познания и был изгнан из Рая. Он могуществен в окружающем мире, но проклинает свою мощь, приобретенную за гармонию души, за невинность, за внутренний покой в объятиях жизни. И вот он

стоит со своими видениями, преданный вселенной, в изумлении и страхе. Зверь тоже познал страх — в грозах и в когтях льва. Но человек стал бояться самой жизни — более того, самого своего существования. Жизнь — вот что значило для зверя ощутить игру силы, это была жара, игры, борьба и голод, а затем, наконец, склониться перед законом, конечно. У зверя страдание замкнуто на себе, у человека оно пробивает брешь в страхе перед миром и отчаянии от жизни. Даже когда ребенок вступает в реку жизни, рев водопада смерти поднимается высоко над долиной, становясь все ближе и разрывая, разрывая ее радость. Человек смотрит на землю, и она дышит, как огромное легкое; всякий раз, когда она выдыхает, восхитительная жизнь вырывается из всех ее пор и тянется к солнцу, но когда она вдыхает, стон разрыва проносится по толпе, и трупы рассыпаются по земле, как град. Он мог видеть не только свой собственный день, перед его взором разворачивались кладбища, стенания ушедших тысячелетий доносились до него из ужасных разлагающихся форм, из перевернутых с ног на голову снов матерей. Занавес будущего распахнулся сам собой, открывая кошмар бесконечного повторения, бессмысленную трату органического материала. Страдания миллиардов людей проникают в него через врата сострадания, все происходящее вызывает смех, высмеивающий требование

справедливости, его глубочайший упорядочивающий принцип. Он видит себя появляющимся в утробе своей матери, он поднимает свою руку в воздух, и у нее пять ветвей; откуда это дьявольское число пять и какое оно имеет отношение к моей душе? Он больше не очевиден для самого себя — он прикасается к своему телу в совершенном ужасе; это ты, и так далеко ты простираешься, и не дальше. Он носит в себе пищу, вчера это был зверь, который мог сам метаться вокруг, теперь я поглощаю его и делаю частью себя, и где я начинаю и заканчиваю? Все вещи связаны воедино причинами и следствиями, и все, что он хочет постичь, растворяется перед испытующей мыслью. Вскоре он видит механику даже в пока что целом и дорогом, в улыбке своей возлюбленной так же, как в улыбке рваного ботинка. В конце концов, черты вещей — это черты только его самого. Ничто не существует без него, каждая строчка указывает на него, мир — всего лишь призрачное эхо его голоса — он громко вскакивает, крича и желая извергнуться на землю вместе со своей нечистой пищей, он чувствует приближение безумия и хочет найти смерть, прежде чем потерять даже такую способность. Но когда он стоит перед неминуемой смертью, он также постигает ее природу и космическое значение предстоящего шага. Его творческое воображение рисует новые, пугающие пер-

спективы за завесой смерти, и он видит, что даже там не найдено убежища. И теперь он может различить очертания своих биолого-космических терминов: Он — беспомощный пленник Вселенной, обреченный падать в безымянные возможности. С этого момента он находится в состоянии безжалостной паники. Такое «чувство космической паники» является ключевым для разума каждого человека. Действительно, раса, по-видимому, обречена на гибель в той мере, в какой исключается любое эффективное сохранение и продолжение жизни, когда все внимание и энергия индивидуума уходят на то, чтобы выносить или передавать катастрофически высокое внутреннее напряжение. Трагедия вида, становящегося непригодным для жизни из-за чрезмерного развития одной способности, характерна не только для человечества. Так, например, считается, что некоторые олени в палеонтологические времена погибли из-за того, что у них выросли чрезмерно тяжелые рога. Мутации следует считать слепыми, они срабатывают, выбрасываются наружу без какого-либо интересующего их контакта с окружающей средой. В депрессивных состояниях разум может предстать в образе такого оленьего рога, во всем его фантастическом великолепии пригвоздившего своего носителя к земле.

III

Почему же тогда человечество давно не вымерло во время великих эпидемий безумия? Почему лишь сравнительно небольшое число индивидуумов погибает из-за того, что они не в состоянии вынести напряжения жизни — потому что познание дает им больше, чем они могут вынести? История культуры, а также наблюдения за собой и другими позволяют дать следующий ответ: большинство людей учатся спасать себя, искусственно ограничивая содержание сознания. Если бы гигантский олень через подходящие промежутки времени обломал внешние отростки своих рогов, он, возможно, продолжал бы идти еще некоторое время. И все же в лихорадке и постоянной боли, более того, в предательстве своей центральной идеи, сути своей особенности, ибо он был призван рукой творения быть носителем рогов диких животных. То, что оно приобрело в продолжении, оно потеряло бы в значимости, в величии жизни, другими словами, в продолжении без надежды, в шествии не к утверждению, а вперед по своим вечно воссоздаваемым руинам, в саморазрушительной гонке вопреки священной воле крови. Отождествление цели и гибели является трагическим парадоксом жизни как для гигантского оленя,

так и для человека. В своём *Bejahung*¹ последний *Cervis giganticus*² нес знак своей родословной до конца. Человек спасает себя и продолжает жить. Он осуществляет, выражаясь устоявшимся языком, более или менее самосознательное подавление своего вредного избытка сознания. Этот процесс практически постоянен во время нашего бодрствования и активной деятельности и является требованием социальной адаптации и всего, что обычно называют здоровым и нормальным образом жизни. Психиатрия все еще работает на предпосылке, что «здоровое» и жизнеспособное — это единое с самым высоким личным. Депрессия, «страх жизни», отказ от пищи и т. д. без исключения считаются признаками патологического, больного состояния и лечатся соответственно. Однако в ряде случаев эти явления являются знаками более глубокой и непосредственной чувствительности к жизни, горькими плодами той гениальности мысли или чувства, которая является корнем антибиологической тенденции. Болезнью является не душа, а защита, которая либо предает, либо отвергается, потому что она правильно воспринимается как предательство высшей способности эго.

Совокупная жизнь, которую мы видим перед собой сегодня, с самого центра до самых краев

¹ «Утвердительный ответ» — нем. — *Прим. пер.*

² Сегодня это *Megaloceros giganteus* — Большойрогий олень. — *Прим. пер.*

пронизана механизмами вытеснения, как социальными, так и индивидуальными; мы можем проследить их даже в самых обычных формулах повседневной жизни. Они образуют пестрое и непостижимое многообразие, но все же кажется оправданным выделить хотя бы четыре основные категории, которые, естественно, встречаются в самых разных комбинациях: изоляция, якорение, отвлечение и сублимация³.

Изоляцию я понимаю здесь как полностью произвольное исключение из сознания беспокойных и разрушительных мыслей и чувств. (Энгстрём: «Не думай, это только путает»⁴.) В полном развитии это наблюдается у некоторых врачей, которые в целях самозащиты видят только техническую сторону своей профессии. Это также может перерасти в чистую жестокость, например, у обычных хулиганов или у студентов-медиков, где каждая чувствительность к трагическим сторонам жизни пытается быть уничтоженной насилием (футбол с черепами мертвых и т. д.⁵).

В повседневном общении изоляция проявляется в обычном соглашении о взаимном молчании. Сначала перед детьми, чтобы они не испугались

³ *Isolation, forankring, distraktion og sublimation* — в оригинале на норвежском. — Прим. пер.

⁴ Энгстрём — вероятно, отсылка к философу или крылатая фраза. — Прим. пер.

⁵ «Игра в футбол черепами мертвых» — аллюзия на brutальные практики военных конфликтов. — Прим. пер.

жизни, которую только начали, но сохранили свои иллюзии до тех пор, пока не смогут их потерять. Взамен дети не беспокоят взрослых неудобными намеками на пол, туалет и смерть. Среди взрослых действуют правила «хорошего тона», и в открытых проявлениях мы видим механизм, где мужчина, который плачет на улице, удаляется с помощью полиции.

Механизм якорения также функционирует с самого раннего детства; родители, дом, улица, конечно, направляют ребенка и обеспечивают ему чувство безопасности. Этот круг жизненных ценностей является первым и, возможно, самым счастливым защитным барьером от «космоса», который мы учимся понимать на протяжении всей нашей жизни, и в этом отношении, несомненно, лежит объяснение так называемой «инфантильной привязанности»; вопрос, является ли эта привязанность также сексуально обусловленной, не имеет значения в данном контексте. Когда ребенок позже обнаруживает, что эти опоры такие же «случайные» и «временные», как и все остальные, он переживает кризис растерянности и страха, и сразу же ищет новое якорение: «Осенью я пойду в среднюю школу». Если замещение не удастся по какой-либо причине, кризис может принять смертельный поворот, или возникает то, что я называю спазмом якорения: человек цепляется

за свои мертвые ценности и старается как можно лучше скрыть от себя и других, что они дефектны, что он душевно несостоятелен. Следствием этого является постоянная нестабильность, «чувство неполноценности», компенсация, нервозность.

Если такое состояние попадает под определенные категории, оно становится объектом психоаналитического лечения, где происходит переход к новым якорениям.

Якорение можно охарактеризовать как установление точек в сознании или как возведение стен вокруг хаоса сознания. Обычно это происходит бессознательно, но также может происходить с полной осознанностью (человек «ставит себе цель»). Общие якоря охватываются симпатией, тот, кто «полностью посвящает себя» своему якорю (фирме, делу), становится образцом. Он создал мощную защиту от распада жизни, и, с помощью внушения, другие ощущают силу его устойчивого мира. В грубоватой форме, как сознательное действие, мы встречаем это у «разлагающихся» любовников. «Нужно жениться вовремя, и проблемы решатся сами собой». Здесь человек создает необходимое условие для своей жизни, позволяя себе сжиться с чем-то неотложным по собственному усмотрению, но это лишь поддержка для нервов, как высокие стенки для жизненного ощущения, которое с течением времени

становится все более застывшим. Ибсен показывает это на примере Ялмара Экдала и кандидата Мольвика («пьеса «Дикая утка»); разницы между их опорой и социальной поддержкой нет, за исключением того, что первая бесплодна с практическо-экономической точки зрения.

Каждая культурная единица — это огромная,вершенная система якорения, построенная на прочных основах, фундаментальных культурных мыслях. Обычный человек имеет дело с коллективными носителями, личность строит для себя, а человек с характером завершил свое развитие, более или менее опираясь на наследственные коллективные основы (бог, церковь, государство, мораль, судьба, закон жизни, народ, будущее).

Чем ближе опорный элемент к основам, тем опаснее его затронуть. Обычно здесь устанавливается прямая защита с помощью законов и угроз наказания (инквизиция, цензура, консервативное мировоззрение). Устойчивость каждого элемента зависит либо от того, что его фиктивная природа еще не раскрыта, либо от того, что оно признано необходимым, несмотря на осознание его фиктивности. Так, религиозное обучение в школах сохраняется даже атеистами, потому что они не видят другого средства, чтобы привести детей к социальным моделям поведения.

Со временем, когда фиктивность или ненужность элементов становится ясна для кого-то, они начинают заменять их новыми («Ограниченный срок жизни истин»), и отсюда возникает вся эта борьба духа и культуры, которая, наряду с экономической конкуренцией, составляет динамическое содержание мировой истории. Стремление к материальным благам (власти) объясняется не столько тем непосредственным наслаждением, которое приносит богатство, ибо никто не может сидеть сразу на нескольких стульях или съесть больше, чем может. Жизненная ценность состояния заключается скорее в том, что оно предоставляет широкий выбор возможностей для якорения и отвлечения на усмотрение владельца.

Как для коллективных, так и для индивидуальных форм якорения действует правило: когда одно звено рушится, наступает кризис, который тем серьезнее, чем ближе оно к основам. В самых внутренних кругах, где человек скрыт от внешнего мира, такие кризисы происходят ежедневно и относительно безболезненно («разочарования»); здесь можно наблюдать даже игру с якорями ценностей (шутки, жаргон, алкоголь). Но в ходе этой игры можно нечаянно порвать ткань основания, и ситуация резко изменится — от безмятежности до мрачной реальности. Страх существования пристально смотрит в глаза, и в его порывах мы чув-

ствуем, как разум оказывается в своей собственном паутине, и под этим скрывается ад.

Самим основам редко удастся быть замененными без болезненных социальных спазмов и угрозы полного распада (реформация, революция). В такие времена личности становятся все больше зависимыми от своей собственной способности к якорению, и тогда увеличивается число тех, кто не в состоянии справиться.

Депрессия, отклонения, самоубийства становятся последствиями (немецкие офицеры после войны, китайские студенты после революции). Слабость системы заключается также в том, что на различных направлениях опасности приходится создавать совершенно разные основы. Когда каждая из этих основ логически накладывается друг на друга, в конце концов возникает столкновение несовместимых чувств и мыслей. В трещинах между ними может проникнуть отчаяние. В таких случаях человек может быть охвачен радостью разрушения, он снимает всю конструкцию искусственной жизни и с восторженным ужасом приводит все в порядок. Чувство ужаса возникает от утраты всех утешающих жизненных ценностей, а наслаждение — от безжалостной идентификации и гармонии с самой глубокой тайной нашего существования, биологической неизбежностью, постоянной предрасположенностью к гибели.

Мы любим наши якоря, потому что они спасают нас, но мы также ненавидим их, потому что они ограничивают наше ощущение свободы. Когда мы чувствуем себя достаточно сильными, именно тогда приходит наслаждение от того, чтобы собрать и положить в могилу пережитую ценность под музыку. Материальные вещи обретают символическое значение (радикальная жизненная позиция). Когда человек уничтожает все якоря, которые только мог найти в себе, и остаются только бессознательные, он называет себя освобожденной личностью.

Одним из самых популярных способов защиты является отвлечение. Человек удерживает внимание внутри критической границы, заполняя ее непрерывными новыми впечатлениями извне. Это типично уже в детстве; без отвлечения ребенок становится невыносим для себя самого. «Мама, что мне делать?» Одна маленькая английская девочка, приехавшая в гости к своим норвежским тетям, вышла из своей комнаты и спросила: «Что теперь происходит?» Няня становится виртуозом: «Посмотри, собачка! Видишь, как они рисуют замок!» Это явление настолько известно, что не нуждается в дополнительном объяснении. Отвлечение — это, например, жизненная тактика «светского общества». Ее можно сравнить с самолетом, построенным из материалов с большой массой, но

с принципом, который удерживает его в воздухе, пока это возможно. Он всегда должен быть в движении, потому что воздух может поддержать его лишь на мгновение. Пилот может отвлечься и устать от привычки, но как только двигатель дает сбой — наступает кризис.

Тактика часто бывает осознанной. Отчаяние может скрываться рядом и внезапно проявляться в виде рыданий. Когда все возможности для отвлечения исчерпаны, наступает «сплин», который может варьироваться от легкого безразличия до смертельной депрессии. Женщина, как правило, менее склонна к осознанию и поэтому более устойчива к жизни, предпочитая отвлечение.

Серьезное зло тюремного заключения заключается в том, что большинство возможностей для отвлечения отнимаются. И поскольку условия для спасения другим способом также неблагоприятны, заключенный обычно оказывается в непосредственной близости от отчаяния. Те поступки, которые он совершает, чтобы избежать последней стадии, имеют юридическое основание в самом жизненном принципе. В такой момент он чувствует свою душу во всем, и тогда не существует другого мотива, кроме категорической невыносимости состояния.

В чистой культуре паника жизни, вероятно, не будет случаться часто, потому что механизмы

защиты здесь сложны и автоматизированы, и в какой-то степени действуют постоянно. Но и смежные области отмечены меткой смерти, здесь жизнь может продолжаться, несмотря на тяжелые испытания. Смерть всегда предстает как выход, оставляя за собой посмертные возможности, и поскольку восприятие смерти зависит от того, как ее чувствуешь и видишь, она может быть вполне приемлемым решением.

Если удастся в момент смерти сохранить позу (стих, жест, «умирающий») — то есть последний якорь или последнюю форму отвлечения (Смерть Осе из пьесы «Пер Гюнт»), то такая судьба далеко не самая худшая. Газеты, которые, кстати, в этом случае служат механизмом молчания, всегда находят причины, которые не тревожат: «считается, что последнее падение цен на пшеницу...» Когда человек забирает свою жизнь в депрессии, это естественная смерть по душевной причине. Современное варварство, когда пытаются «спасать» самоубийц, основано на ужасном недоразумении относительно сущности бытия. Только ограниченная часть человечества может справиться с чистым «переменами», будь то работа, общественная жизнь или удовольствия. Человеческий дух требует, чтобы изменения имели связь, линию, прогрессию. Ничто конечное не может удовлетворить в долгосрочной перспективе, человек посто-

янно идет вперед, накапливает знания, строит карьеру. Это явление называется «стремлением» или «тенденцией к преодолению границ». Когда цель достигнута, стремление переносится дальше; таким образом, дело не в самой цели, а в достижении, не в абсолютной высоте, а в углу подъема жизненной кривой. Повышение от рядового до капитала может быть более значимым в эмоциональном плане, чем от полковника до генерала. Любое основание для «оптимизма относительно будущего» уничтожается этим психологическим законом.

Человеческое стремление характеризуется не только «стремлением к», но и «бегством от». И если мы используем это слово в религиозном контексте, то последняя характеристика будет единственно возможной. Здесь человек еще не понимает, к чему он стремится, но всегда прекрасно осознает, от чего он пытается уйти, а именно от земного долга, то есть от своей собственной невыносимой жизненной ситуации. Если осознание этого является самой глубокой частью души, то становится понятным, что религиозное стремление ощущается и воспринимается как основное. Надежда на то, что оно является божественным критерием и содержит обещание своего собственного утверждения, в этих размышлениях предстает в действительно печальном свете.

Что касается четвертого средства паники — сублимации, то речь идет скорее о трансформации, чем о вытеснении. С помощью стилистических или художественных способностей сама боль жизни в некоторых случаях может быть преобразована в ценность опыта. Положительные импульсы приходят на помощь и используют зло для своих целей, фиксируя его живописные, драматические, героические, лирические или даже комические стороны. Однако если страдание иначе не утратило своей наибольшей остроты или еще не стало единственным в сознании, такое использование вряд ли возможно. (Картина: альпинист не наслаждается видом пропасти, пока его шатает от головокружения; только когда это чувство более или менее преодолено, он может наслаждаться им.) Чтобы написать трагедию, нужно сначала в какой-то степени освободиться от самой трагической боли, чтобы рассматривать ее с внешней, например, эстетической точки зрения. Здесь, кстати, возникает повод для самого яростного танца, через все новую иронию, превращая это в порочный круг самого неприятного рода.

Здесь можно охотиться за своим собственным «я», совершая многочисленные ревизии, и полностью наслаждаться способностью уровней сознания к взаимному уничтожению. Настоящее эссе — типичный пример сублимации. Автор не

страдает, он заполняет страницы и будет опубликован в журнале. Мученичество одиноких дам также представляет собой своего рода сублимацию, они становятся значимыми благодаря этому. Тем не менее сублимация — это, пожалуй, наименее распространенный из тех защитных механизмов, которые были упомянуты здесь.